

Игорь Мазуренко

*Театральный
пролог*

СТИХИ



Игорь Станиславович Мазуренко

Театральный пролог. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349892

ISBN 9785449664655

Аннотация

Стихи разных лет о «любви несносной и мучительной», философские размышления. Ни сегодня, ни вчера – не наступит моё время. Так и будет, пока какой-нибудь сумасшедший его не откроет книгу...

Содержание

ОПАЛА	5
Сонет №41	5
Сонет №54	6
Сонет №55	7
А человек все живет	8
Земная жизнь	9
Конец эпохи	10
Опала	12
Ночной причал	14
Любви несносной	16
Из древнеримской поэзии	17
Катулл измученный	17
Из Катулла	18
XXVIII	19
Скиталец	21
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЛОГ	22
Я перед Вами	22
Кто кого предает?	23
Сядем вокруг стола	24
Совет	25
Безмолвие	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Театральный пролог

Стихи

Игорь Станиславович
Мазуренко

Редактор Людмила Афонасьевна Левчук

© Игорь Станиславович Мазуренко, 2019

ISBN 978-5-4496-6465-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОПАЛА

Сонет №41

Я равнодушен. Улыбнись, взгляни-
Я равнодушен, даже презирая,
Когда я со строкою в жизнь играю,
Не улыбаясь – Боже сохрани.

Я равнодушен. Я не понимаю
Причины нашей вежливой войны.
Я равнодушен в обществе стены,
А вы над ней – надменная и злая.

А вы над ней – живая и святая —
В отсутствии сомнений и вины.
И я строкою сон переплетаю
В котором с вами только мы одни...
Я ненавижу и обожествляю.

Я равнодушен? Боже сохрани.

Сонет №54

Моя любовь давным-давно мертва,
И след ее сковал вечерний холод.
И сожаленье каждый день проходит
И шепчет злые горькие слова.

Моя душа спасенья не находит.
Любовь мертва. И выросла трава.
И вместе с нею глупая молва,
Что ничего со мной не происходит.

Я ощущаю в полночь странный свет,
Я ощущаю – он тревожно близок,
Он отгоняет сон и сонный бред,
И узнаю в сплетении примет
Моей любви печальный гордый призрак.

1978 (май, 6)

Сонет №55

Я все оставил в прошлом, позабыв
Твое лицо (надменность, гордость жеста).
В моей судьбе тебе нет больше места.
Благодарю судьбу за наш разрыв.

А лучше б взвыть от этого «блаженства»
И каменеть, надгробием застыв,
Где жжет слеза, мгновенно проступив:
«В моей душе тебе нет больше места!»

Переступить, вернуться и забыть
И отыскать другое совершенство?
Но где опять возьмешь такую прыть,
Чтобы найти, открыться и открыть,
Когда другой в душе не будет места?

1978 (май, 6)

А человек все живет

А человек все живет и живет:
Пишет стихи и не лгать устает.

Строчка за строчкой – такие дела —
Тропка к забытому замку вела, —

Где все, что пело, уже не поет,
А человек все живет и живет.

198?

Земная жизнь

Земную жизнь, пройдя до половины,
Уткнулся носом в чашу безрассудства,
Вдыхаю жадно влажный аромат.

Дела и помыслы мои невинны,
Наивно ветрено мое искусство,
Угрюм и несомненен мой талант.

В просторной чаше ветры и тропинки,
В тревожных кронах трели и объятия,
В остывших травах блеск и суета:

Застыл кузнечик на конце травинки,
Сова бормочет в темноте заклятья,
И вожделенно дышит пустота.

В конце концов, бессмысленны прогулки.
В конце аллей, – царапаются ветки,
И речи ваши дивно холодны.

Земную жизнь, пройдя до переулка,
Простимся у разрушенной беседки
На фоне немигающей луны.

(ароматная архивная пыль...)

Конец эпохи

И мы не знали о конце эпохи.
Детали в памяти (что толку?),
Лепете костра, когда один не спал.

Втроем мы пили об успехе
Всех безнадежных дел,
Когда манила даль,
Когда казались лишними доспехи
Для рыцарей воздушного стола.

Июньский Пятигорск,
Напомню: на террасе кафе
Мы удивлялись крепкому вину
И девушкам,
Скользившим рядом – мимо —
В легчайших платьях,

Кажется, извне звучали речи,
Славный Кортасар,
Платья излучали, звенели, усмехались,
Намекали лукаво о свободе и о дали,
которой не достигли трое,
Подозревавших о конце эпохи,
(преследователь, урна праха)...

И Карфаген разрушен был и Троя,
Прекрасных ради глаз,
Легчайших тканей,
Почти не прикасающихся к коже
Случайных девушек, скользивших мимо.

И даже не дойдя до половины
Мы заблудились у конца эпохи
В лесу... Тот самый сумеречный лес.

1993

Опала

Была ужасная пора... (П.)

Двадцать восьмой ноябрь бесснежен.
Зима апостольской улыбкой
встречает осень.
Стройны в необлетевших султанах
шеренги зданий.
Ветер прохладен, нежен.
Медный цокот оболов, копыт
торжествен грозен.

Грош, сестерций, обол, талант —
в мерзлую землю.
Кричи, археолог,
ногти ломая в кровь, —
мой клад
полей осенних, походов,
озноба любви иголок.

Крик археолога, ворона нервный напев, —
что он услышал, увидел,
узнал, присмирив, —
гвоздь, заржавевший в ладье,
тайно стремящейся выйти к воде
горького плена покоя?

Плачь, перевозчик,
обола со свистом за борт!
В пьянящих куцах сгорает
последний оплот славного плена.
В другое небо
летит, кувыркаясь, последний обол.

Ангел! – железную дверь —
на последний запор!
Небо – без всадников, лиц,
на ветру облетающих, птиц,
исчеркавших свинцовыми крыльями синь.
Небо – без облачной пены богинь, —
небо – нагое.

1985, II

Ночной причал

Поздней осенью
корабль отправляется в путь
жестокий и сентиментальный.
Платок печальный и
слезы случайной не забудь —
(платок прощальный
как рассвет прощальный) —
не разомкнуть заката губ и рук:
Вам не увидеть больше ваших
верных слуг – любви случайной
и сладчайших мук!

Богиня гордая —
стремленье нежных рук
навстречу буре сгорбленных
стволов осенних роц и мачт.
Так – перед кораблем
угрюмым и сентиментальным
летит богиня – верная любовь —
облита золотом сусальным.

1985

Вполне осеннее, плакать хочется. Золотом сусальным – это очень важно. И трагично. И даже

не смешно. Даже как-то страшно.

Любви несносной

Любви несносной и мучительной
Случайной или упоительной
Мне слишком часто привелось
не достигать. Немного шалость,
Слегка обман и даже милостыня
И, Господи, однажды – жалость
Пульсировала, гналась, билась,
молчала, лгала, упивалась
льдом платонических затей,
чтобы зимой междоусобиц
восстала мертвенная совесть,
и дописал угрюмо повесть
моим пером простой злодей...

1993?

Из древнеримской поэзии

Катулл измученный

Катулл измученный, оставь,
позабудь свой бред!
Ты выдумал мир, в котором
Любовь и свет...
Зачем же ты пишешь стихов тома,
в которых
осенний дождь, тяжелый плащ,
Любовь и тьма?

Из Катулла

В мерцании светил
Я видел вас не узнавая так много лет
Где были вы? Слепая и скупая...
Не отдавая свой незримый свет
И жар улыбки и прохладу кожи
И гибкость губ и сладость языка
И свет рассветных глаз?
Всё ныне – здесь.
Я счастлив – дальше смерть!

XXVIII

Боги! Жалость в вас есть,
и людям не раз подавали
Грошик надежды вы в пропастях и у огня,
Так не скупитесь на взгляд,
я молю, мимолетный.
Глупый Катулл бредит,
укрывшись темным плащом.

Боги! Жалость в вас есть,
но вы не всевидящи, боги;
Вот, тяготясь беспечностью,
прячусь я, избегая молвы,
Я не молю дней возвращения
радостных, солнца...
Глупый Катулл бредит,
укрывшись темным плащом.

Темных мыслей рой
вместе с угодным
жертвенным дымом от тетради,
о боги, возьмите себе, я позабуду о них.
Буду помнить всегда о милости вашей...
до смерти...
Глупый Катулл бредит,
укрывшись темным плащом.

Скиталец

По пустыне брели как зверье легионы,
Забывая про доблесть и грезя колодцем,
И напрасно хрипели нам центурионы,
Что с холма наблюдают, смеясь, полководцы.

Мы дарили пустыне мечи и доспехи,
Но отвечала безумьем и жаждой,
И в звенящем песчаном сочащемся смехе
Свой конец узнавал с безразличием каждый.

Я последний бреду по пустыне бескрайней,
Опаленный наивным, но гордым Скитальцем,
Я бреду, невзирая на голод и раны
К родникам твоих пальцев...

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЛОГ

Я перед Вами

Я перед вами. Весь.
Но плен подмостков
не для меня:
единственного света
остывший воск на веках.

Ряд предметов теряет вес:
печальнейшая повесть
или роман, где скрипка – горечь,
флейта – совесть
и барабаны – басурман.

Мы обезумели от ран.
Поверьте мне, я перед вами
Нарочно не играл словами.
Чем платят палачу?

Я притаился – к обороне, —
а где-то прячется Полоний —
шучу, шучу, шучу!

Кто кого предает?

Кто кого предает?
(и я замолчал воскрес)
голос плыл до спокойных вод
от ледяных небес,

сколько тысяч покойных лет
Господу взор и – грош,
так у заката темнеет медь:
ложь погоняет ложь,

жгло нестерпимо и дождь мчал
в пламя осенних войн;
сколько работы чистым мечам
(молния гром звон).

Небо устало и голос умолк,
воды укрыл лед,
а на ладони тлел уголек:
Кто кого предает?

27.11.1987

Сядем вокруг стола

Сядем вокруг стола и поведём разговор,
сколько-нибудь назад дней отойдём,
тени легки, стелется вслед вздор:
дом потерялся средь бела дня —

наш дом —
в сумерках гнулся, ворчал, скрипел;
глазницы дышали холодом,
дрожали известкой бельм.

Кто был я,
и сколько нам было лет?
Горек дым – чёрств хлеб,
незаметен след.

Страх разрастался, полз
по дороге снежный ком:
дом потерялся, двери повисли
вырванным языком.

Совет

Мне думается,
что вы могли бы
Заниматься работой
и создать семью,
По воскресеньям удить рыбу,
Приходить домой
между шестью и семью.

Еще мне думается,
Что не так уж плохо
Казаться удачливым и хватать
С неба звезды,
иногда насмешливо
говорить о Боге,
с приятным усилием
налегая на весла.

К чему вам слава
И неразборчивый почерк
И послеполуночный
Зрачок блюдца?

Там, среди звезд
и неземных строчек
Чаще не парят, а сгорают

И бьются.

1980 год

Безмолвие

Безмолвие вошло в раскрытые ворота.
Открыл глупец, теперь он тоже обречён.
И вот оно скрывается за поворотом,
а стражник спит, во сне гоняя мух мечом.

Безмолвие бредёт, не ведая преграды.
Препятствовать ему какой теперь резон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.